

The background of the cover is a detailed, golden-brown illustration of a steampunk-style clockwork mechanism. It features various gears, cogs, levers, and a large circular frame, all rendered in a complex, interconnected manner. The design is reminiscent of a mechanical watch movement or a complex clock face, with a focus on intricate detail and a vintage, industrial aesthetic. The golden-brown color gives it a sense of age and elegance.

А. Шевцов

ОТЛАДКА

Книга вторая

Александр Александрович Шевцов

Отладка. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68755026

Отладка. Книга вторая. Александр Шевцов:

ISBN 978-5-9909137-2-1

Аннотация

«Отладка» – книга о том, как сделать свое предприятие работающим, как швейцарские часы. Несмотря на то, что в книге Отладка рассматривается в приложении к предприятию, она применима к любому делу.

Для всех думающих и ищущих людей.

Содержание

В ладу ли ты с самим собой?	5
Часть первая	10
Раздел 1	11
Глава 1. Выживание дитя	12
Глава 2. Выживание ребенка	17
Глава 3. Выживание школьника	20
Глава 4. Взрослое выживание	24
Заключение	30
Раздел 2	33
Глава 1. Предприятие	34
Глава 2. «Звери» на предприятии	37
Глава 3. Кто ты?	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Александр
Александрович Шевцов
Отладка. Книга вторая.
Александр Шевцов**

© Александр Шевцов, 2013 – 2022.

© Издательство «Роща», 2022.

В ладу ли ты с самим собой?

Отладка дела, особенно предприятия, может быть трудоемка, но по своей сути она проста. Это всего лишь некая дополнительная к производству технология, то есть сводимое к определенным образцам искусство. Если психолог хочет сделать отладку предприятий своей профессией, ему достаточно понять их устройство и заучить несколько действенных образцов. И у него всё получится. Или почти всё.

На мелкие срывы можно будет долго не обращать внимание. До тех пор, пока они не накопятся, превратившись в сплошную боль, и не выкинут тебя из этого дела, сделав его ненавистным. Появляются эти мелкие сбои от незнания глубинных вещей, обеспечивающих действенность отладки. И, в общем-то, они не так уж важны, если бы не обладали одним отвратительным свойством. Сбои в отладке порождают неприятные вопросы, на которые у психолога нет ответов.

И это тоже не было бы так страшно, если бы только отладчик не строил для работы образ себя, который научит людей, как надо жить. Но если ты учитель жизни, ты просто обязан знать ответы на все вопросы, которые могут задать твои ученики. Когда ты не знаешь ответа и, самое страшное, не умеешь его найти, тебе приходится отводить людям глаза, попросту говоря, лгать им. Это приводит к противоречию с образом себя, как мудрого и всезнающего человека, и раз-

рывает твоё сознание.

После нескольких таких поражений даже опытные психологи сбегают с этой работы. И неохотно о ней вспоминают.

Как избежать этой боли? Знать все ответы. Но это же с очевидностью невозможно! Зато возможно отложить ответ на трудный вопрос и провести исследование, которое его даст. И лучше прямо с тем, кто спрашивал. Человеку, который знает природу человека, видит лад и понимает суть отладки, не нужно знать все ответы. Тот, кто пытается прямо из источника действительности, всегда может найти ответ сам. Тому, кто заучил технологию и образцы, труднее. Ему можно взять ответы только из уже имеющихся находок.

Как же стать профессионалом в отладке? Работать можно сразу и с теми делами, которые будут приносить деньги. А вот учиться надо начинать с себя. Если вы не выстроите себя, как некое утонченное орудие для определенной деятельности, срывы и сбои обязательно подкараулят вас. Поэтому желающий стать настоящим отладчиком начнет с того, что ему легче всего доступно: он попытается разглядеть лад в себе и почувствовать, как некое внутреннее состояние, которое и нужно привнести в любое дело, за которое ты берешься.

Идти к этому состоянию нужно последовательно и через отрицание. Для этого надо исходно принять, что лад естественно присущ человеческому существу. Мы рождены, чтобы жить в ладу. Но теряем его по мере обретения культуры и истории. Возвращение лада – это, прежде всего, очищение.

Безусловно, это очищение сознания. Однако лад всеобъемлющ, и битва за его возвращение затрагивает и тело, и душу, и, вероятно, даже дух. Однако начинать надо с того, что легче всего доступно, иначе говоря, с того, что на поверхности и само стучится в ваше сознание.

В мазыкской науке очищения, называвшейся кресением, было такое упражнение: что меня томит? Его можно сделать одному, записав списком, что вас тревожит, томит и съедает, как это говорится. Всё, что выявится, – разрушители внутреннего уюта, а значит, и лада. Человеку, который в ладу с самим собой, в себе должно быть уютно.

Следовательно, все выявленные помехи уюту должны быть устранены, даже если это непросто. Но в этом и есть смысл жизни. Поэтому необходимо подумать, сделать из них всех задачи и решить их так или иначе. После этого стоит создать список хвостов и долгов.

Все хвосты, то есть недоделанные дела, и тем более долги, крадут покой наших душ и съедают силу. Заплатив долги, мы, быть может, теряем в деньгах, зато обретаем способность зарабатывать больше. Так что не хитрите с собой, честно освобождайтесь, и к вам вернется сторицей.

Затем можно записать всё, в чем вы не в ладах с собственной совестью. И точно так же всё исправить, чтобы этот лютий зверь, гончий пес богов, успокоился и уснул в вашей душе.

Следующая работа – это выверка всех образов себя на со-

ответствие самому себе. То есть своим действительным делам, поступкам и возможностям. В этом деле очень полезны те, с кем мы живем. Если вы действительно приводите себя в соответствие самому себе, они расцветают и живут радостно. После этой работы лад начинает разливаться вокруг вас, меняя больной мир, излечивая его. Если вы проделаете такую работу относительно вашего дела, начнет меняться дело. Но ваша работа не завершается до тех пор, пока вы не почувствуете, что обрели цельность, то есть стали единым в любых своих проявлениях, и при этом соответствуете миру, который избрали.

Достичь некой цельности, сродни уверенности в себе монахов и просветленных гуру, можно. Но это может оказаться лишь самоуверенность, то есть вид болезненного самодовольства. Я такой, я такой всегда, и мне наплевать, что думают об этом люди, и каково им рядом со мной.

Жизнь имеет склонность ставить таких «самодостаточных гуру» в положение излома, в котором они оказываются зависящими от других людей, и вдруг из них выскакивает их нечистое нутро. Они либо злы и жестоки, либо слабы и не приспособлены к действительной жизни. Значит, это был не лад, а вид самообмана, нечто вроде кокона или гроба, в котором можно прятаться от жизни.

Лад – мировой закон, нечто вроде силы, свободно текущей сквозь мирозданье. Если он достигнут, вы открыты. И вам не мешают те, кто рядом. Наоборот, они начинают собираться

вокруг вас и чувствуют себя уютно.

По большому счету, отладкой должен заниматься не тот, кто почитал умные книги и запомнил правила и приемы, а тот, кому есть чем поделиться. А поделиться можно только тем, что действительно тебе принадлежит и не может быть отнято даже за Той чертой...

Часть первая

Выживание

Философы двадцатого века, начиная с Мартина Хайдеггера и кончая уже ушедшим Владимиром Бибихиным, посвятили немало часов раздумьям о том, что такое мир и как я с ним уживаюсь. Эта тема как-то включает в себя и отношения с так называемым «другим», что, в сущности, означает, что мы не можем жить поодиночке.

Если следовать традиции экзистенциальной философии, то эту книгу можно было бы назвать «Бытие и мир», в том русском значении слова «мир», которое означало общество. Однако я не готов к такой философичности, а книга моя посвящена прикладной психологии.

И в первую очередь, тому, как сделать счастливой свою жизнь в семье и успешной на предприятии, как, впрочем, и в любом деле, в которое вы входите. Безусловно, она также перекликается с античной Заботой о себе, как она существует со времен Сократа. В рамках Заботы о себе она предполагает самопознание и психологию, как науку о душе.

Раздел 1

Жизнь и выживание

Выживание весьма занимает человечество. Искусство выживания даже преподается в школах, как основы безопасности жизнеобеспечения. Но мне кажется, эта тема не только далеко не раскрыта в своей полноте, но и не понята. В сущности, само понятие «выживание» мало занимало мыслителей человечества, поэтому им занимались так называемые практики, которые думали лишь о телесном выживании.

Если мы примем, что человек – это не тело, а воплотившаяся душа, то даже обеспечение выживания тела оказывается совсем не той задачей, какой мы его привычно считаем. Пока ты только тело, выживание должно быть обеспечено любой ценой. Однако жизнь человеческая показывает: случаются события, когда человек предпочитает расстаться с жизнью ради чести или близких.

Значит, тело – это не все и не самоцель, и мы это осознаем, когда жизнь ставит нас на излом. Именно поэтому я начал разговор о выживании с философов-экзистенциалистов – они пытались исследовать человека именно на таких изломах, когда обычное существование превращается в настоящую жизнь, которую они окрестили особым словом «экзистенция».

Слово это, в сущности, бессмысленное, не более чем знак,

но оно нужно было, чтобы указать на то, что наша жизнь двойственна: обычно мы живем, как обычно, но случаются мгновения, когда мы Живем! Я намеренно играю со словами, чтобы показать: словечко «экзистенция» было нужно, чтобы показать: обычная жизнь, возможно, и не жизнь совсем. Человек влачит ее ради тех мгновений, когда способен раскрыть свою истинную сущность.

Французам потребовалось создать искусственное слово, чтобы выразить эту мысль. В русском же языке лучше пойти другим путем и сохранить за теми мгновениями, когда ты хозяин своего существования, имя жизни. А вот остальное время влечения назвать выживанием. Живем мы редко, обычно же влачим существование, выживаем...

Глава 1. Выживание дитя

Мы любим сбегать мыслями от кошмарной действительности в счастливое детство. Любопытно, почему настоящее принято считать ужасным, а детство – счастливым? Действительно ли детство чем-то принципиальным отличается от взрослой жизни?

А если отличается, то чем? И если оно такое счастливое, то почему мы никогда не плачем горше, чем в детстве?

Первый ответ: с годами мы черствеем и перестаем чувствовать так ярко. И то, что могло расстроить нас в детстве, просто не пробивается сквозь коросту. Это возможный от-

вет, но ужасный. Ведь если мы невольно ощущаем детство счастливым, значит, став взрослыми, мы подвергаемся гораздо более тяжелым воздействиям, но даже они не вызывают у нас прежних чувств!

Как же сильно мы утратили эту способность! Кстати, а какую способность? Очевидно, душевную. Ведь это не телесные чувства вызывают в нас слезы. Значит, мы не просто утрачиваем способность плакать, мы утрачиваем саму душу, которой эта способность принадлежит. Она словно бы уходит вглубь, прячется от боли. И если еще способность всплакнуть как-то сохраняется, то уж рыдать нас почти ничто не может заставить...

И доказывает это не то, что детство отличается по воздействиям от взрослой жизни, а то, что с возрастом меняемся мы, и, наверное, наши души. Когда Христос говорил: «Станьте как дети», – думаю, он имел в виду именно эту душевную открытость.

Но есть и другой ответ: с возрастом меняются ценности. И дело не в том, что очерствела моя душа, а в том, что вызывавшие раньше рыдания воздействия теперь не имеют для нее значения. Она живет ради другого.

Если она живет ради другого, то, судя по частоте рыданий, посещающих меня, она вообще не живет, начиная с какого-то возраста! Даже если произошла смена ценностей, что выглядит очевидным, душевная подвижность все же ушла. Либо взрослая жизнь легче детской.

И это третий возможный ответ: детство вовсе не так радужно, как нам кажется, когда мы его забываем. Это взрослая оценка детства – считать его счастливым. Ценности и цели действительно меняются с возрастом. Хотя, если смотреть философски, вовсе не так всецело, как это кажется. Всего лишь добавляется какое-то количество забот. А в целом мы проносим главные цели своей жизни сквозь все возраста, потому что определяем их для себя еще до воплощения. И кому сужено биться за власть, тот бьется за нее с младенчества, кому нужна любовь, тот и страдает из-за нее, едва родившись.

Но вот забот, то есть необходимости заботиться о ком-то еще и о хлебе насущном, в детстве не было. Именно они и заставляют нас считать, что в детстве жилось легче.

Заботы надо рассматривать особо. Но это важнейшая часть работы над собой и главное поле науки думать. К ним нельзя относиться небрежно. Их надо решить, чему, кстати, посвящена отладка. Пока же стоит понять: отношение к детству необходимо пересмотреть. Это может сильно изменить вашу жизнь.

Дети вовсе не зря способны плакать так горько. Их души еще не защищены опытом и силой, а жизнь гораздо трудней. В сущности, жизнь ребенка – это битва за выживание. Я не говорю про первый год, когда ребенок, можно сказать, еще не родился полностью. Люди рожают детей наполовину недоношенными, поскольку дети у нас слишком крупные, и про-

сто было бы невозможно ими разродиться, если бы донашивать их до способности ходить.

Но если мы вдумаемся, то жить целый год, не имея вообще ни малейшей возможности сделать хоть что-то для своего выживания, — это ужасно. Это хуже одиночной камеры. Ты не можешь двигаться, ты можешь только кричать и надеяться, что люди, к которым ты пришел, о тебе позаботятся. Способность заботиться — это нечто великое! Почему мы считаем, что она отбирает у нас счастье?

Но и дальше жизнь ребенка постоянно проходит в слезах. Как кажется, дети плачут по любому поводу, а то и без повода. Иначе говоря, они капризничают из-за мелочей.

Начнем по порядку: без повода дети не плачут. И если вы не давали его, он все же есть, и ребенка тем более надо понять. Иногда они плачут потому, что над их головой не те звезды...

Точно так же они не плачут из-за мелочей. Это тот же наш самообман, позволяющий нам считать, что с возрастом меняются ценности. В этом смысле мы немногим умней детей и, став личностями, не далеко ушли в душевном развитии. Ведь глупо так расстраиваться, если кто-то растоптал твой песочный дворец или город, другое дело, если сгорел дачный домик, или бандиты отобрали брежневскую девушку!

Почему дворцы и города детей ценятся меньше, чем хибары родителей? Потому что в хибары можно спрятать тела? А без них тела не выживут?

Иными словами, наши слезы определяются выживанием? А детские?

Дети отличаются от нас тем, что до какого-то возраста мы берем на себя заботу о выживании их тел. И это дает им возможность готовиться к собственной жизни. И они честно это делают, они играют в то, как будут вести эту битву сами. Но пока они выживают как души.

И именно поэтому, растоптав их песочный дворец, мы вызываем рыдания – у нас погибла хибара для тела, у него – дом для души. Мы не черствеет. Мы просто другие существа. Мы – другой вид по сравнению с собственными детьми. Они – души, воплотившиеся в тела, мы – тела, имеющие души...

Мы не рождаемся сразу, мы рождаемся недоношенными. Телесно мы рождаемся к году, когда обретаем способность ходить и говорить, полностью – когда обретаем заботу, как способность жить только телом.

Мы приходим, чтобы стать людьми. Но это получается не сразу. Мы очень стараемся, мы делаем усилие, но суть его – убить душу, убрать ее, чтобы стать телом. Душа сопротивляется, хотя и обречена, поскольку сама избрала это испытание. И все же: детство – это битва за выживание души, и мы ее проигрываем, отчего и плачем так горько...

А затем приходит миг, когда вдруг человеческая сущность вытесняет душевную, и наши глаза вдруг распахиваются, как будто мы только что проснулись. Но в них горит уже совсем иной свет. Подмена произошла. С этого мгновения детство

будет только вспоминаться. А то, что оно было битвой за выживание, будет утрачено и забыто...

Глава 2. Выживание ребенка

Потерпев поражение в битве в выживании воплотившейся душой, маленький человечек заменяет душу на личность. Это вполне возможная замена, поскольку личность, как и душа, есть своеобразное тело для выживания в определенных мирах, и к тому же она, совсем как душа, невидима и неосознаема.

Но она есть, и очень болеет, когда проигрывает. А проигрывает она часто, потому что ребенок хочет, чтобы мир принял его таким, каков он есть. А мир позволяет выжить лишь тем, кто соответствует его законам. Поэтому мир наказывает за несоответствие. Причем, любой мир.

Теплолюбивые растения не выживают на холоде, как ни стараются садоводы, а северные ели умирают в южном климате. Так же гибнут в непривычных условиях животные. Вот и человек, обретя разумность, вынужден приспособливаться ко всем мирам-сообществам, в которых оказывается, начиная с семьи. Это всегда какая-то ломка, и далеко не всегда выживание успешно. Случается, что дети вынуждены бежать из своих семей. Иногда они предпочитают заболеть и умереть. И всегда они плачут из-за того, что их не принимают такими, как им удобно и хочется.

Как и жизнь ребенка, жизнь подростка – это тяжелая битва за выживание. Причем, настолько тяжелая, что мы далеко не всегда считаем этот возраст счастливым. Выбор уже совершен, личность никуда не уйдет и будет лишь усиливаться, и поэтому память о тяжести и тоске подростковой жизни сохраняется.

Однако подросток еще тоже живет за счет родителей, и забота еще не легла на его плечи. Почему же тогда детство счастливое, а вот жизнь подростка тосклива? Привычка считать детство счастливым – лишь миф, вызванный стиранием памяти из-за ухода души. Не более...

Сначала мир ломает нас, то есть воплотившиеся души, чтобы мы осознали и приняли, что в этом мире мы уже не души, а тела. И научились жить как тела. Это не жестокость, это необходимость, к тому же вызванная нашим собственным решением воплощаться. В сущности, мир лишь требует от нас быть последовательными и делает это вполне бережно. Ведь сначала все эти требования мира объясняют нам наши любящие родители. И стараются сделать это как можно мягче.

Затем мы попадаем в подростковую среду. Она изрядно жестока. Но у подростков еще нет силы, чтобы причинить настоящие повреждения. Поэтому уроки эти вполне переносимы. Более того, подростковая среда состоит из нас. Что значит, что в ней ты не можешь встретиться ни с чем иным, кроме того, что есть в твоей собственной душе.

Значит, тебе есть чем понять то, чем встречает тебя этот мир. И есть силы с этим справиться, раз ты справляешься с этим в себе самом. Каждая возрастная среда, пока мы не станем взрослыми, оказывает на нас воздействие, с которым мы можем справиться, они все нам по силам, хотя иногда мера может быть нарушена, и человек гибнет...

А когда мы взрослеем, у нас всегда есть выбор: идти к тем, кто учит жестко, или к тем, кто избрал мягкую жизнь. И всегда есть и те, и другие. Ведь жестокость подростков – это жестокость лично каждого из нас. Откуда она? От злых душ? Или от недоумия?

Но эти злые души – это души тех самых ангелочков, у которых только что было счастливое детство. Если сами детишки ангелочки, а жизнь у них была счастливой, откуда берутся жестокие подростки и подлые взрослые? Всюду мифы, мифы и мифы! Мы обманываем себя, чтобы не тратить лишних усилий на исправление мира, а в итоге должны прятаться в собственном мире от хищников, как стадо трусливых и безумных овец.

Мир устроен не так, как нам хотелось бы о нем думать. Он проще и строже, в нем правят законы. Эти законы надо рассмотреть и принять, иначе они жестоко накажут, даже если в них нет и намека на жестокость. Холод не жесток, как не жестока и жара. Они просто есть в этом мире, а разум дан затем, чтобы их учитывать.

Этот мир – большая школа, а основной предмет – наука

думать. И мы либо думаем, и тогда выживаем, либо не думаем и выживаем плохо и всё хуже.

И когда мы вступаем во взрослую жизнь, мы должны быть готовы к тому, что мы вступаем в следующую часть битвы на выживание.

Глава 3. Выживание школьника

Первое настоящее испытание со стороны мира взрослых обрушивается на нас в школе. Общественное мнение утверждает, что с помощью школьного образования государство готовит нас ко взрослой жизни. Это, безусловно, верно. Как верно то, что темнота – это отсутствие света. Иными словами, сказать так – ничего не сказать.

Государство не просто учит нас, как стать винтиками своей машины. Оно обрушивает на детские души страшное давление, задача которого – показать, что в мир взрослых нельзя войти, просто вырастая из детства в юность. Этот переход качественный. Это переход в совсем иной мир, и мир этот жестокий и требующий очень сильно измениться.

Поэтому школьное обучение чрезвычайно жестоко. Мы это плохо понимаем. Нам даже кажется, что «советский суд – самый гуманный суд в мире»! Точно так же, как и то, что растворимый кофе – это вкусно! Растворимый кофе – это не кофе. Как и крабовые палочки не имеют ничего близкого к крабам. А школа не дает знания об этом мире, она вдавлива-

ет в наше сознание то, как надо себя вести. Конечно, школы прививают определенное мировоззрение. До революции оно было христианским. Теперь оно естественнонаучное. Это не значит, что оно учит видеть действительный мир. Любое мировоззрение прививает способность видеть мир с искажениями, которые позволяют в нем выживать.

Мировоззрения – как очки, которые вживили в наше сознание. Их задача – оправдывать ту власть, которая сейчас у нас стоит. Не в смысле какой-то партии и ее президента, а гораздо шире.

Христианство оправдывало власть аристократии. Естественная наука – власть буржуазии, то есть кошелька. И оправдывает она эту власть не идеологически, как было в советское время, а экономически. Мы должны покупать и очень радоваться тому, какая у нас райская жизнь!

Из наших детей школа делает потребителей для общества всеобщего потребления. Это слом, и для него не жалеют средств. Давление идет от всех взрослых, начиная с учителей, и проникает прямо в детскую среду, так что дети становятся продолжением взрослых и вытравливают инакомыслие из тех, кто ломается не сразу.

Если вы легко принимаете правящее мировоззрение школьного сообщества, вы можете оказаться в числе тех, кто давит. И вам сразу станет легче жить. Тупые же, а ими оказываются далеко не глупые, а все, кто трудно принимает мир потребления, вспоминают школу с ужасом. Идти туда – это

тоска. Особенно для тех, кто слишком быстро вспоминает прошлые жизни, а значит, скрытым душевным чутьем видит, что то, чему заставляют учиться, далеко не обязательно и вовсе не так уж нужно в будущей жизни.

Для всех более-менее взрослых душ наша школа глупа и бессмысленна, поскольку дает очень мало действительно полезного. И они тоскуют, начиная класса с четвертого, когда взяли все действительно необходимое. И счастье, если среди школьных предметов находится тот, который дает отдохновение душе ученика...

К четвертому классу мы знаем, как читать, писать и считать в тех размерах, которые нам действительно пригодятся в жизни. Если сейчас оценить те школьные знания старших классов, которые мы действительно используем в жизни, то их окажется очень мало. Лишь те, кто избрал заниматься данным предметом, могут сказать, что им было что-то полезно. Остальные же просто отмучиваются 6–7 лет, из которых не выносят ничего!

Ничего!

И опять же, если сейчас подсчитать то, что вы используете в жизни из школьного курса, то станет ясно, что будь это вам известно заранее, можно было бы не учиться все старшие классы, а сделать один дополнительный год, во время которого вам давались бы только те знания, которые пригодятся. И за этот год или даже меньше вы бы прошли всю старшую школу, ни в чем не потеряв.

Это значит, что человек, бросивший школу, недоучившись, вполне может добрать все необходимое с помощью самообразования. Но самообразованием он точно не перегрузит себя лишним хламом.

Я хочу этим сказать, что создание такого завершающего класса, где преподается только действительно необходимое для жизни, вовсе не такая уж утопия. Для этого всего лишь надо научиться понимать учеников, иными словами, поднять уровень психологической подготовки учителей.

Но обучать учителей психологии оказывается более трудным делом, чем заставить их лишних семь лет делать пустую работу!

Из всей школы полезна для обретения знаний лишь одна треть. Две трети – исключительно психологическая обработка и отделка личностей будущих членов общества. Иными словами, две трети школы – это огромный и чрезвычайно травмирующий обряд перехода.

Детей делают людьми, заставляя забыть, что они души.

Даже необходимость взять на себя такую ответственность – чудовищна. Еще чудовищней то, что от учителей скрывают, в каком заговоре они участвуют. Большинство наших учителей искренне верят, что их задача – нести в детские умы доброе, умное, вечное... А именно – естественнонаучную картину мира!

Что значит, готовить их к жизни в мире без души. Ребенок приходит в школу еще, как говорится, с открытой душой. И

попадает на сафари, где охота идет на него. И так до тех пор, пока давление школьных требований не сломает его окончательно и не заставит жить ради того, чтобы это давление снизить. В сущности, ничему другому, кроме выживания в обществе взрослых, ребенок в школе не учится.

И если вы вспомните, сами учителя любят детишек начальных классов. Но чем дети взрослей, тем жестче учителя, жестче требования, и чаще ненависть... Пока у детей еще есть души, сами учителя непроизвольно относятся к ним с любовью. А затем дети превращаются в уродов, с которыми не может справиться даже милиция.

И как это случается, если школа, которой этих детей доверили, такая хорошая?! Что посеешь, то и пожнешь.

Родители отдают школе своих детей, которые еще воплощенные в тела души, а школа выпускает людей, способных выжить в бездушном обществе. И в этом ее величие. Она ведь действительно приспособливает их к тому миру, который их ждет.

Или же она и творит тот мир, выпекая кирпичики, из которых он строится?

Глава 4. Взрослое выживание

Наше детство проходит, как обучение выживанию на той планете, где мы обнаружили себя воплотившимися. Это значит, что мы изучаем условия земной жизни и способы вы-

живания в природе.

Но уже лет с двух-трех мы начинаем общаться со своими ровесниками, входя в возрастные сообщества, где тоже надо выживать. Сообщества – это всегда миры, подобные Земле, в том смысле, что ими тоже правят законы, которые не обойти. Это законы общественные, но от этого они не менее обязательны и жестоки. Несоблюдение законов в любом мире карается смертью. Даже если этот мир – детское сообщество.

Конечно, в отличие от Земли, эта смерть не телесная. Но это изгнание из мира, а любой выход из этого мира есть уход в мир иной, что вполне красноречиво...

Дети точно так же изгоняют или не принимают в свои сообщества тех, кто живет не по их законам или не принимает общих правил. Причем, законы эти или правила существуют в определенном смысле независимо от детей. По крайней мере, они уже есть, когда ты приходишь в сообщество. А значит, как бы имеют собственное бытие.

И редко кому удастся их изменить. Для этого надо обладать очень большой силой даже в раннем возрасте. Хотя многим удавалось создавать правила. И дети даже любят играть в творение правил.

То же самое мы застаем и во взрослых сообществах. С одним дополнением: здесь могут убить и телесно. Причем, карать смертью имеют право те, кто занимают вершины Мира – государство и преступники. Государство, Власть занимает верхнюю вершину – Высший свет, преступность – нижнюю

– Дно. Однако и за теми, и другими гласно и негласно признается право карать смертью и наказывать.

Поэтому цена наказания во взрослом мире ощущается выше – кроме изгнания из сообщества здесь могут и убить. А значит, воплощение будет прервано раньше срока, и все усилия пойдут прахом. Поэтому люди очень дорожат своей жизнью и стараются вписаться в то сообщество, которое избрали для себя.

Многие из-за этого не могут по-настоящему учиться или быть успешными в делах – вся их сила уходит на старательность, то есть, в сущности, на услужливость. Как ни странно, но из-за этого они всегда занимают место ниже, чем заняли бы, если бы просто делали дело, ради которого существует это сообщество.

Большинство взрослых сообществ существует ради дел, хотя мы плохо это осознаем. Особенно ярко это видно на примере предприятий, учреждений, партий. Но если даже взять сельский мир, то есть сообщество какой-нибудь деревни, то без особых усилий можно разглядеть, что и у него есть дело – это то самое выживание, которое легче обеспечить сообща.

Как ни странно, но даже семья держится вместе, пока выживание сложно. Но стоит жизни стать легкой, как распадаются и общины, и семьи, и роды...

В наше время люди разобщены именно потому, что выживание стало легче, а кусок хлеба доступней и дешевле. В

итоге мир разделился на богатых и бедных. Бедные всегда очень довольны жизнью и собой, поскольку ощущают себя умными и ловкими, ведь они сумели выжить в одиночку.

А вот богатые редко так довольны тем, как у них идут дела. Это недовольство есть признак двигателя, который встроены в их души, и требует не стоять на месте. Поэтому они богатеют и прорываются к действительной жизни. А бедные довольствуются тем, что им в достатке валяются объедки из рога изобилия, каким является капиталистическое производство.

Самодовольство – всегда признак того, что душа человека ощущает, что она выполняет свою скуму – ту главную задачу, ради которой человек воплотился. И одновременно с этим, признак заниженных планок, то есть требований к себе и своим мечтам. Эти люди готовы воплощаться много раз, и потому согласны топтаться на месте, даже если это место все истоптано вдоль и поперек. Новое и неведомое не влечет их, как не влечет и сам это прекрасный и яростный мир. Сытость желудка – уже величайшее достижение, которое, как кажется людям, они сумели достичь собственными усилиями.

Это большой обман. Сытость желудка – это всего лишь приводной ремень от правящих классов к массам, как скажали бы марксисты. Это способ, каким рабочий скот, производителей меха и мяса, можно усыпить, чтобы они не думали об изменении существующего порядка. Поэтому власть очень старается держать народ сытым, она ученая и не хочет новых революций...

Никакой поход не нужен тому, кто доволен своей жизнью. И никакой переход. Потому что они изменяют жизнь. А зачем ее менять, если ты ею доволен?!

Походы и переходы, как раньше говорили, для романтиков. То есть, для мечтателей, для тех, кто не забыл, что он не тело, а душа. Чтобы пойти в поход, нужно заглянуть в душу и найти там то самое беспокойство, с которого всегда начинается волшебная сказка. Беда, нехватка чего-то, просто душевное беспокойство или волнение духа – вот что вы должны найти в своей глубине, чтобы понять: надо что-то менять!

А для этого надо научиться не просто ходить в походы или с работы на работу. Для этого надо научиться совершать переходы, после которых в жизни и тебе что-то меняется. И очень полезно для обретения этого качества убедиться, что ваша жизнь в мире – это постоянная борьба за выживание. Иногда и телесное.

Но чаще – как личности. А изредка, когда сытость перестает отравлять мозги и возвращается память, и как души...

Выживание – плохо это или хорошо?

Если вдуматься, то все беды нужны затем, чтобы человек не спал. Поэтому, если ваше выживание не так еще успешно, как вам хотелось бы, это лучшее, что могла подарить вам жизнь. Потому что вы на грани опасной жизни, которая может повести если не к беде, то уж точно ко множественным сложностям в отношениях с близкими вам людьми. Близкие – это те, кто постоянно вас беспокоит, кому все время что-то

надо, кто не дает вам просто отдохнуть и позаниматься собственными делами. Им всегда не хватает то денег, то внимания, то каких-то вещей. И почему-то это все должны обеспечить им вы. Почему?

Потому что вы обещали, а они поверили и пошли с вами в этот поход по имени жизнь. Их можно бросить вместе с их походом и сбежать. Но тогда поход все равно начнется. Можно убежать от людей, но нельзя убежать от необходимости изменить себя. Это неизбежность, поскольку мы воплощались, поставив перед собой именно эту задачу.

Оправданным является лишь один вопрос: какой ценой меняться?

Это можно делать дорого, что значит, раз за разом разоряясь, сбегаая и строя все то же самое заново. А можно делать выгодно. То есть наименее затратным путем с постоянным набором качества, а значит, и возможностей.

Если выбор идти выгодно и прямо к цели, то надо понять, что же вам мешает.

А мешают всякие бытовые сложности. Вроде тех же денег, которых не хватает твоей жене, чтобы создать для тебя же кусочек рая. Или вроде бытовых удобств, которые облегчают жизнь и, кстати, тоже являются райскими черточками вашего домашнего мирка. Могут мешать и долги или недоделанные дела, так сказать, хвосты.

Все это ухудшает ваше выживание и заставляет терять покой и задумываться. И если вы задумаетесь, то однажды при-

дете к вполне простой и очевидной мысли: можно сколько угодно оттягивать исполнение того, что должно быть сделано, но опыт показывает: мир не отстанет, и однажды тебе придется сдаться и сделать это.

Каждый человек с жизненным опытом хотя бы в пятнадцать лет испытывал это на себе. Есть дела, которые не хочется делать, но сделать их необходимо. И тут можно либо бегать и, как говорили в старину, от дела лытать, либо собраться с духом и силами и сделать дело.

Думающий человек всегда может собраться и определить те дела, от которых все равно не сбежать. А потом осознанно избрать сделать все, что необходимо, чтобы жить легко и приятно. Например, заработать достаточно средств, создать жилищные условия, обеспечить тех, кому должен.

Вот тогда наши души успокаиваются и спокойно отдаются заботе о себе, то есть совершенствованию и развитию способностей. Или отдохновению.

Совершенно неважно, что вы хотите иметь как образ жизни. Но вы его либо имеете, либо не имеете. И если вы действительно хотите его иметь, вы поставите это перед собой как задачу и будете ее решать. Иначе вам не будет жизни, а будет бесконечная борьба за выживание.

Заключение

И вся-то наша жизнь есть борьба! Если этого не принять,

жизнь превратится в пытку либо станет тоскливой. Это очевидно, но каким-то хитрым образом забывается, как и то, что у нас есть души. Забывается именно тогда, когда мы приспособляемся к своему миру или сообществу и действуем по образцам. Тогда к нам приходит нищенская сытость и отупение. Жизнь завершилась, дальше тянется беспросветное существование...

Человек, чья душа не умерла, всегда стремится к лучшей жизни. Лучшая жизнь – это воспоминание о том мире, откуда приходят души. Земная мифология зовет его раем, подразумевая, что в раю лучшая жизнь. Платон называл тот мир Небесами.

Битва за выживание, с одной стороны, это битва за воплощение, то есть за право получить свои уроки. С другой, это битва за лучшую жизнь в том мире, где обнаружил себя воплотившимся.

Битва за выживание – это великолепная школа разума и раскрытия способностей. Только в борьбе мы по-настоящему учимся думать и действовать. Человек стал разумным именно так. И именно так творились чудеса.

Выживание свойственно всем периодам нашей жизни. Поэтому его стоило бы изучить и освоить, как своего рода науку или искусство. Это разумно: раз уж основное дело, которым мы заняты на протяжении всей жизни – выживание, ему стоило бы научиться.

Но с чего начать?

Прямо с того, чем вы живете сейчас. То, как вы обеспечиваете свое выживание, и есть предмет совершенствования.

Допускаю, что кто-то из читателей пока еще выживает за счет родителей, а кто-то уже имеет свое предприятие или живет на содержании. Эти случаи я пока опускаю. Хозяину собственного предприятия надо изучать не выживание, а отладку. Остальным стоит задуматься о будущем.

Большинство же как-то трудятся, в поте лица своего добывая хлеб свой насущный. Вот с них я и хотел бы начать это исследование.

Как человеку, который не хочет жить за чужой счет, но не умеет создать собственного предприятия, раскрыть свои возможности и обрести покой и достаток. Можно сказать, что первым предметом исследования будет выживание на предприятии, где вы сейчас оказались.

Раздел 2

Выживание на предприятии

Я начинаю это исследование с предприятия, потому что это самый простой случай или, можно сказать, задача. В отличие от семьи, детей, родителей, предприятие всегда можно бросить и перейти в другое. В этом смысле, предприятия – прекрасные учебные пособия.

Они как бы собраны из простейших символов, подобно играм, вроде шахмат, которые можно и проиграть, но в этом нет ничего страшного или непоправимого. Мы все это знаем, и потому не просто меняем предприятия, но и не дорожим ими. Скажем так: если на чаше весов стоит измениться самому или бросить предприятие, мы предпочитаем бросить, но не меняться.

Мы очень высоко ценим даже собственные недостатки и очень плохо понимаем, что такое предприятия и зачем они. Хуже того – мы и не хотим этого знать, как если бы нас изнасиловали, заставив заниматься нелюбимым делом. Между тем, большая часть нашей жизни проходит либо на предприятии, либо в учреждении. Уже одного этого должно было бы хватить умному человеку, чтобы задуматься и научиться проводить эту часть жизни легко и с пользой. Скажем, став мастером своего дела.

Однако мы предпочитаем совершенствоваться в том, как

увиливать от дел и пускать пыль в глаза. В итоге, большая часть человечества влачит жизнь ничтожеств...

Предприятие – это великолепный учебный полигон, где можно раскрыть себя и убрать кучу собственных несовершенств. Эту возможность нельзя упускать. Иначе жизнь пройдет зря.

Глава 1. Предприятие

Уже одно то, что мы все, за очень малым исключением, вынуждены искать себе работу, говорит о том, что речь идет о выживании. Чтобы выжить, нужно работать и добывать средства существования. Это основной выбор, который заставляет нас совершить взрослая жизнь, когда мы переходим в так называемую вежу сытости.

Вежами мазыки называли те возраста или временные отрезки нашей жизни, при вступлении в которые мы вынуждены изменить свою личность. В основном они кратны семи, хотя ранние короче, а старшие могут включать в себя несколько седмиц, как говорилось. То есть отрезков по семь лет. Народ создал для каждой из веж свое название: дитя, ребенок, подросток, юноша, взрослый. Но в рамках взрослости есть и свои деления. Начинается она с двадцати одного года, что и называется вежей сытости.

Вежа сытости не означает, что теперь ты будешь сыт. Как раз наоборот. Теперь ты живешь ради сытости. До этого тебя

кормили родители, а теперь ты должен добывать свой хлеб самостоятельно. Иными словами, вежа сытости – это время, когда ты вынужден задуматься о том, что сытость вовсе не гарантирована человеческому существу, и за нее надо сражаться. Что и является сутью нашей первой взрослой битвы за выживание.

Битв за выживание может быть множество. Кого-то будут преследовать злые люди, кто-то попадет в беду, окажется в катастрофе или на войне. А кого-то минуют все эти жестокие приключения, но ни одному не миновать битвы за сытость. И мы все решаем эту задачу, но каждый по-своему.

Некоторые избирают путь паразита, а значит, развивают мастерство в том, как пристроиться к кому-то другому и жить за его счет. По-своему, это тоже неслабое испытание и немалый труд, требующий и ума и искусства.

Другие избирают путь хищника и отбирают пищу у других. Отбирать у других можно силой, а можно хитростью и наглостью, как, к примеру, цыгане. Тех, кто действует просто грубой силой, довольно быстро убирают из общества, а вот с наглыми хитрецами справиться трудно, поскольку люди вроде как сами отдают им свое. Пример целого народа, уже тысячелетия живущего не трудом, чрезвычайно показателен. Как показательно и то, что целый народ не родил ни одного выдающегося человека. А если кто-то из цыган и стал известным, то только потому, что избрал иной путь, в сущности, отринув свой народ.

Однако основной путь — это трудиться, честно зарабатывая свой хлеб. Но и тут все не так однозначно. Честно — понятие сложное, и всегда зависящее от множества условий, связанных с общественными отношениями. К примеру, большинство людей избирают работать честно в том смысле, чтобы точно исполнять приказы начальства или хозяев. Их называют терпилами, но лучше овцами или стадом.

Овца честно приходит на службу в назначенное время и честно сидит до звонка. Она честно старается, исполняя должностные обязанности или инструкции, а потом обнаруживает себя либо выкинутой на улицу, потому что предприятие разорилось, либо у телевизора с нищенской пенсией. Овца хочет не думать, но хочет, чтобы все честно исполняли то, что ей обещали.

Ее честность — прием, позволяющий заставить других кормить ее, как полагается со стадом скота.

Но можно ведь избрать и другой путь. Путь думающей честности. Это самое подходящее для человека разумного, потому что это прямой путь к сытой и красивой жизни. Но мы почему-то не любим прямых путей. Мы постоянно проверяем, не удастся ли обмануть судьбу, которая избрала именно меня в носители разума.

Складывается такое впечатление, что мы не хотели быть разумными, мы родились как тела, которые должны были прожить на этой планете, как скоты, хищники или паразиты. И тут нам сделали прививку в виде разумной души. И теперь

мы все перед выбором: принять ли этот дар!?

И взбрыкиваем, изо всех сил стремясь сохранить свое естественное состояние земного животного...

Глава 2. «Звери» на предприятии

Предприятие – безусловно, самый простой и надежный способ обеспечить выживание и сытость. Однако далеко не все предприятия так хороши, как хотелось бы. И мы, работающие на них, склонны считать, что на нашем предприятии плохие начальство и хозяева, которые просто не умеют хорошо делать дело.

Особенно ярко эти мысли приходят после сравнения доходов наших предприятий с иностранными. Международные корпорации как-то поразительно легко вскрывают российский рынок и, раздвинув наши предприятия, занимают на нем лучшие места. Очевидно, они лучше умеют делать дело.

И мы делаем вывод: надо переходить на иностранное предприятие! Тем более что там и платят больше.

Платить больше – обычный прием для захвата рынка, позволяющий выбирать лучших и заставить работников держаться за свои места. Для этого уметь управлять не нужно, достаточно иметь запас средств. И отлаженные образцы, по которым строится производство. Работающие образцы плюс лучшие работники – главный секрет успеха предприятия...

Однако мы по преимуществу работаем на своих, российских предприятиях, где ни образцов, ни лишних денег нет. И выживать нам приходится в этих условиях. Как же мы это делаем? Очень-очень просто: как только есть возможность кинуть предприятие, мы это делаем и переходим на другое. Единственное, чего надо при этом дожидаться, так это тяжелого мига для предприятия, чтобы мой уход, если повезет, совсем его сломал!

Лучшего способа помочь и собственному выживанию, и обучению наших предпринимателей не придумать...

Прикладная психологическая работа, направленная на улучшение работы предприятий, а значит, и нашего выживания, называется отладкой. Во время этой работы психологи пытаются исправить на предприятии то, что заставляет людей копить обиды и уходить. Поскольку рыба тухнет с головы, работа эта обычно начинается с хозяина предприятия, от которого и зависит, каким будет предприятие.

Взгляд на предприятие и его беды сверху, от хозяина, привычен для всех видов психологической работы на производстве, включая всяческие консалтинги и тренинги. Однако не лишне поглядеть на предприятие и со стороны работников. И поглядеть именно как на средство выживания и обеспечения сытости.

Если я работник, то понимаю ли я, как устроено предприятие? И понимаю ли я, что от меня тоже зависит, как на нем идут дела?

Обычный и быстрый ответ: а как они от меня могут зависеть? Все зависит от начальства или от хозяев. Если хозяин самодур или идиот, что я могу сделать?

Не буду рассматривать случай, когда хозяин предприятия идиот. Это сложный случай. Начну с простого. Вот предприятие, где хозяин почувствовал собственное несовершенство и затеял отладку. Он старается, предлагает изменения, обучает работников. Таких людей довольно много. И что? И ничего! Мы все сделаем, чтобы у него ничего не получилось.

Даже в тех случаях, когда нам интересна та учеба или те работы, что он затеял, однажды мы обнаруживаем себя в привычном желании хлопнуть дверью, да так, чтобы предприятие развалилось...

Я описываю это явление после множества работ по отладке. В сущности, передаю свои ощущения от работы с работниками предприятий. Их очень трудно увлечь на работу над собой. Но если это удастся сделать в виде игры, и они увлеченно играют, все же изменений не происходит. Почему?

Что-то сопротивляется в нас. Что-то готово развлекаться за счет хозяина, но меняться не собирается. Оно собой довольно и таким, каков я есть. Это обычный случай. А в редких случаях, когда человек хотел бы измениться, а такие работники все же встречаются, он вдруг обнаруживает себя паразитально недееспособным – ведь старался, и ничего не вышло!

Почему в нас живет такое сильное сопротивление изме-

нениям? Я даже не говорю про тех, кто изначально не хочет меняться, кого устраивает то, какой он есть. Но почему не могут меняться даже те, кто понимает необходимость этого и даже старается?

Этот вопрос возникает перед всеми, кто ведет отладку. И он настолько сущностный, что его обязательно надо решить. При этом множественные попытки решения, ведущиеся огромным количеством психологов во всем мире, не дают плодов. Остается лишь предположить, что они ищут ответы не в той части действительности, где они лежат. Иными словами, поиск надо расширить.

Моя гипотеза такова: предположение, что работники предприятия делятся на овец, хищников и паразитов, – во все не метафора, то есть не иносказание. За ним есть действительность.

Мы очень плохо знаем себя, а сведение природы человека к физиологическим объяснениям вовсе не помогает объяснять сложные поведенческие феномены. В природе человека скрывается опыт десятков, если не сотен тысяч лет. К тому же, мир наш далеко не так прост и однозначен, как нарисовали его физика с астрономией.

И самое главное: обращение к опыту древних, дошедшему до нас в виде этнографических записей или остатков первобытных религий, вроде шаманизма, порой оказывается поразительно действенным, в отличие от современного научного подхода. Старики что-то такое знали про человека, что

мы избрали забыть, а стоило бы изучить, понять и освоить.

Я рассматриваю только тот случай, когда работник предприятия достаточно разумен, чтобы понять: если он станет другим, его выживание улучшится, а предприятие станет для него прекрасным орудием жизнеобеспечения. И когда такой человек понимает, что раз за разом скатывается к некому исходному состоянию, у него невольно возникает вопрос: что за якорь удерживает его на одном месте?

Один из ответов, вероятно, далеко не исчерпывающий всех возможностей, – наше подсознание помнит такие древние состояния, которые можно назвать звериными. И если такой зверь проявляется в человеке, он заставляет человека вести себя так, как это подходит ему.

А человек ощущает, что он словно бы не полный хозяин самому себе. Он принимает решения, а кто-то в нем их отменяет, как некая скрытая власть. Эти странные психические состояния должны быть исследованы и поняты. Для этого я их условно называю внутренними зверями.

Глава 3. Кто ты?

Для того чтобы заметить, что ты не в силах быть верным самому себе, то есть исполнять собственные решения, не нужно иметь громадный жизненный опыт. Чаще всего это проявляется в отношении каких-либо запретов. Принимая решение не делать что-нибудь, например, не есть что-

то, не курить, не обсуждать других людей, и не можешь удержаться. Весьма болезненный опыт.

Но для кого-то гораздо тяжелее, что он принимает решения что-то делать и не выдерживает. Например, делать зарядку каждое утро, выучить английский язык, думать, прежде чем говорить.

У многих есть болезненные пристрастия или дурные привычки, от которых они множество раз решали избавиться, но воз и ныне там. Другие ненавидят себя за слабоволие, мягкотелость или, наоборот, за резкость и раздражительность. Но даже ненависть не в силах ничего изменить, а ненависть – сильное чувство.

Разговор о силе зашел не случайно. Для того чтобы действительно менять себя, силу нужно иметь. Но еще важнее уметь ее собирать и управлять ею. Однако это особое искусство, о котором придется говорить особо. Пока о разновидностях неверности, или, так сказать, о противниках, с которыми мы сталкиваемся.

С психологической точки зрения, у всего перечисленного разные причины. Но все они коренятся, как сказала бы академическая психология, в особенностях психики человека. Выражение «психика» чрезвычайно удачно было придумано кем-то из физиологов девятнадцатого века. Можно сказать, благодаря этому изобретению, то есть изобретению одного слова, психология смогла заявить свое право выйти из состава философии и стать самостоятельной, естественной на-

укой.

Вся научность современной психологии строится на предположении, что психика существует и является объяснительным принципом психологии. Однако никакой психики нет. Как нет и, к примеру, организма. Когда создавались эти словечки, существовали только душа и тело. Просвещение, задачей которого было свержение аристократии и приведение к власти буржуазии, использовало естественную науку для того, чтобы уронить главную опору прежней Власти – Церковь. Поэтому оно объявило религию мракобесием, а Бога и Душу выдумками.

Это значит, что простонаучные выражения, вроде «психика» или «организм» создавались для того, чтобы наука могла хоть как-то выжить в условиях, где остались только тела. Гипотеза о том, что вся наша душевная жизнь есть плод развития телесного вещества и сложных общественных отношений, в действительности, несостоятельна. И это давно стало бы очевидно, если бы наука говорила только о теле.

Ни анатомия, ни физиология не в состоянии объяснить не только душевную жизнь, но даже сложное человеческое поведение. И рефлексология Павлова, и американский бихевиоризм давно признаны несостоятельными, а ничего нового в замену им не придумано. Правящая сейчас в западной психологии когнитивная наука, в действительности, столь же хитрое образование, как психика и организм. Она лишь молчит о душе, но сама давно не исходит из телесной гипотезы.

Хитрость и коварство всех подобных «научных» терминов, вроде «организма» или «психики», в том, что они не могут означать ничто иное, кроме тела, поскольку ничего другого для них нет. Но при этом они позволяют объяснять те наши странности, которые в рамки гипотезы о телесности не укладываются.

Я точно знаю, что для многих вполне неожиданно узнать, что организм – это всего лишь тело в смысле его организации, то есть устройства, если говорить по-русски. Мы все произвольно приписываем этому понятию свойства и способности, выходящие за рамки телесности. Как определили бы его в соответствующих словарях: организм – это принцип, управляющий телом. Иными словами, организм как бы над телом, выше тела и даже совсем не тело.

В общем, древняя софистика на службе науки. Игра словами. Ничего, кроме тела нет, а значит, как требовал Сеченов, психологию должны делать физиологи. Их вполне достаточно, чтобы объяснить все. А там, где происходящее нельзя объяснить физиологически, говорим: «Организм человека мудр», – и все сомнения отмечены. А в действительности там, где физиологического объяснения не хватает, и ученым приходится обращаться к помощи организма, речь идет о том, что выходит за рамки тела, то есть о душе. И так каждый раз: как только в научном тексте упомянут организм, с большой долей вероятности речь идет о душе. Но выглядит все вполне естественнонаучно и триумфального марша нау-

ки не прерывает.

Точно так же и психика. «Психика» – производное от греческого слова «психикос», то есть душевный. Это имя для так называемых «душевных явлений», а отнюдь не для души. К душевным же явлениям относятся все те «процессы», которые решила изучать психология – восприятие, мышление, память, воображение, внимание, воля.

И как казалось творцам «психики» вначале – это было чудное изобретение, поскольку оно позволяло все «психические процессы» привязать к телу. Честно говоря, эта задумка была бредовой у самых истоков. Никто из физиологов и психологов до сих пор не смог привязать к телу волю, воображение или внимание. До сих пор нет более-менее внятной теории мышления.

А там, где были возможны хоть какие-то физиологические исследования – в теории памяти и восприятия – как раз и вылезла наружу несостоятельность подхода.

Исходно ожидалось, что проще всего будет показать, что память связана с веществом тела, то есть с мозгом. Все казалось столь очевидным: мы запоминаем, а в клеточках мозга, как в ячейках счетной машины или компьютера, откладывается, к примеру, заряд – 0–1. Этакий бит. И так кодируется все воспоминание, то есть образ.

Действительность восстала против этого предположения бешеным количеством возражений. Поскольку мозг – действительно биоэлектрическая машина, другого способа воз-

действия на его ячейки, кроме помещения туда заряда, ученые вообразить не смогли. Но в таком случае заряд должен жить в мозге все время, пока воспоминание живо.

Но это означает, что объем мозга исчерпаем, и даже если там 16 миллиардов нейронов, они довольно быстро будут израсходованы. Это первое. И это никак не подтверждается.

Второе – у каждого воспоминания должна быть энграмма, то есть его материальный отпечаток. Как на жестком диске компьютера. Но если физически разрушить такое место, то память должна быть уничтожена полностью. А этого не происходит. И ведущие психофизиологи признаются: даже после разрушения участка коры память постепенно возвращается.

Следовательно, энграмм никаких нет, а это означает, что носитель памяти не мозг, а значит, и не телесное вещество! Этот вывод необходимо сделать, но он разрушит сам естественнонаучный подход. Поэтому нейронаука предпочитает остаться топтаться в своем тупике, надеясь на чудо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.